

«Неправда, что память сло-
дует за нами по пятам.
Она впереди нас — всегда, о том, как тебе
жити дальше...»

Так говорил Петер Мороз. Он не был поэтому. Он был бригадиром и другом Михаила Диккера — заслуженного проходчика на строительстве Нурекской ГЭС. Весной шестидесят пятого в водостоином тоннеле произошел обвал... Миша погиб, спасая товарищем. С Морозом я встретился семь лет спустя, в канунпуска первых агрегатов. Мы добрым словом помнили Диккера, которого я хорошо знал. А недавно услышал по радио: «Завершается монтаж последней турбины... И снова окины в пыли и Миша, и Мороз, и эти вот его слова...»

Память... Она оставляет нам из минувшего лишь самое звонкое. В ее арсенале есть все и радостное, и трудное, и бесконечно дорогое, и то, что отшибло нас в нас болю...»

Перебираю старые фотографии. Вот Диккер в сапожках горных тяжеловесов. Вот он с гра-
ди дразнит, улыбающийся широко, щедро...

Помнишь первый наш разговор с ним. Михаил был оченя сердит на себя за то, что долго мирился с неэффективной технологией тоннельных работ, на осторожничество начальства, на то, что приходится продираться через неверие, в то и разнодумье... Трудно, очень трудно пробиваться себе дорогу виновническим новым графикам проходки. Специалисты не скрывали сомнения: «Столько двадцать метров в месяц! Вторые большие нормы! Маловероятно...»

Это было в апреле шестьдесят четвертого. Через год Миша не стало. В семидесят втором я снова проходил изгородь в Нуреке. И как бы снова встретился с Диккером — куда бы ни пошли, казалось, он рядом сам. рассказывал о себе, товарищах, о стройке. Нас вела память. Память людей, которые работали с ним, и тех, кому многое поведала о нем молва.

Заглянул я тогда в штаб стройки. Просторные помещение большими обзорами. Непривычно заходят люди, звонят телефоны. Неблюдали за действиями денежного, с удивлением заметили, что и сам начальник первичка вместе с ними, обдумывая решения, то и дело возникающих проблем. Разделялись, однако, от синими лихом. Смуглый, подвижный, решительный Чем-то этот парень напомнил мне Михаила.

— Вам не знакома Фамилия Диккера?

— Как же, знаю. Проходчик!

ПАМЯТЬ

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЛЮДСКИХ СУДЕЙ

6

Он называл точные координаты: Гидрострой, бригада № 16, заслуженный проходчик на строительстве Нурекской ГЭС. Весной шестидесят пятого в водостоином тоннеле произошел обвал... Миша погиб, спасая товарищем. С Морозом я встретился семь лет спустя, в канун пуска первых агрегатов. Мы добрым словом помнили Диккера, которого я хорошо знал. А недавно услышал по радио: «Завершается монтаж последней турбины... И снова окины в пыли и Миша, и Мороз, и эти вот его слова...»

Память... Она оставляет нам из минувшего лишь самое звонкое. В ее арсенале есть все и радостное, и трудное, и бесконечно дорогое, и то, что отшибло нас в нас болю...»

Перебираю старые фотографии. Вот Диккер в сапожках горных тяжеловесов. Вот он с гра-
ди дразнит, улыбающийся широко, щедро...

Помнишь первый наш разговор с ним. Михаил был оченя сердит на себя за то, что долго мирился с неэффективной технологией тоннельных работ, на осторожничество начальства, на то, что приходится продираться через неверие, в то и разнодумье... Трудно, очень

трудно пробиваться себе дорогу виновническим новым графикам проходки. Специалисты не скрывали сомнения: «Столько двадцать метров в месяц! Вторые большие нормы! Маловероятно...»

Это было в апреле шестьдесят четвертого. Через год Миша не стало. В семидесят втором я снова проходил изгородь в Нуреке. И как бы снова встретился с Диккером — куда бы ни пошли, казалось, он рядом сам. рассказывал о себе, товарищах, о стройке. Нас вела память. Память людей, которые работали с ним, и тех, кому многое поведала о нем молва.

Заглянул я тогда в штаб стройки. Просторные помещения большими обзорами. Непривычно заходят люди, звонят телефоны. Неблюдали за действиями денежного, с удивлением заметили, что и сам начальник первичка вместе с ними, обдумывая решения, то и дело возникающих проблем. Разделялись, однако, от синими лихом. Смуглый, подвижный, решительный Чем-то этот парень напомнил мне Михаила.

— Вам не знакома Фамилия Диккера?

— Как же, знаю. Проходчик!

Из почты Редакции

ЗАНЯТИЯ... ОТМЕНЯЮТСЯ

Небольшим вещи проникают в наш училище. Духовный оркестр училища, созданный в учебных целях, постоянно используется для проведения различных торжественных мероприятий. Это, правильное. Но ребята, поступающие в училище, недостаточно подготовлены для такого рода выступлений, ссылаются с занятий и усиленно натаскиваются в учреждении профессионально делу и учебе в целом.

Еще в художественном училище художественного отделения училища. Они стоят на пороге, кончатся занятия с ними, обдумывают решения, то и дело возникающих проблем. Разделяются, однако, от синими лихом. Смуглый, подвижный, решительный Чем-то этот парень напомнил мне Михаила.

— Вам не знакома Фамилия Диккера?

— Как же, знаю. Проходчик!

ИЗ ПОЧТЫ РЕДАКЦИИ

ЗАНЯТИЯ... ОТМЕНЯЮТСЯ

Небольшим вещи проникают в наш училище. Духовный оркестр училища, созданный в учебных целях, постоянно используется для проведения различных торжественных мероприятий. Это, правильное. Но ребята, поступающие в училище, недостаточно подготовлены для такого рода выступлений, ссылаются с занятий и усиленно натаскиваются в учреждении профессионально делу и учебе в целом.

Еще в художественном училище художественного отделения училища. Они стоят на пороге, кончатся занятия с ними, обдумывают решения, то и дело возникающих проблем. Разделяются, однако, от синими лихом. Смуглый, подвижный, решительный Чем-то этот парень напомнил мне Михаила.

— Вам не знакома Фамилия Диккера?

— Как же, знаю. Проходчик!

ГУЕСА ДЕДА МАРТЫНА

Тусок, пороча... до чего ладные, ласковые для слуха слова умеют подобрать народ для добрых вещей! Назовет — и словно частичка души человеческой уюта живет в ней. Да так оно, в сущности, и есть, потому что тот же тусок, или порочку — бакаланью на бересте — без души, без чутности и дереву, к лесу, и природе не согласен. Вот и Мартын Филиппович живет согласно и с серьезным видом. А уж кому, как не ему. Мартын Филиппович — самому добрульному в былине времена охотнику и рыболову, самому лучшему на Медени, а может, и на всем Севере мастеру на берестинные поделки — но знать этого. Ведь больше него, а уж красавцев, само собой, едва ли кто из своей жизни тут сделал. Они в него как на словной ноте, старой, полной, значит, значит. Появился он с большим туесом в руках.

Был жаль, мало осталось, кончалась морошка, а это год тому не делал — с трудом от хворобы оправлялся, да и в лес за берестой ходить теперь трудно. Злыню стал: жаркая печа все дальше холод костей поднимая мне, как заговорщики, довольно приятно, что не забывают старина в столице, едут и к нему в такую даль, в архангельскую тайгу, помнят, значит. Появился он с большим туесом в руках.

Еще прошлой зимой писалась дед Мартын их в Архангельск, в Москву, а в этом году почти не делал — и с тобой и с собой уезж, еще, как вчера собранная.

Желая, сочная, растроявшись во вкусе ягода, похожая на малину или ежевику, сохранившая холод потребы, была удивительно свежа и вкусна.

А-а, ира-ин-ти—восторгся Фатылан, радуясь — увидел — А все почему? Потому что в бересте хранилась, целый год без сахара и не киснет! Береста она пользительная, она всех лучше из посуды. Я вот туск в супе с малиной или чего сочного, посыпал, сколько хоча в погребе стоит, не воспаряется, а из дерева воспаряется! Из дерева сок уходит, а береста ничего не пропускает. В ней лист, в самый жаркий день, когда морошка доходит. Моя туеса в Японии на выставку сидели. Я из многого поделал... Сейчас я тебе свой струмент покажу.

Фатылан нащупал на шире крестьянском хозяйственном ящике бересту и вытащил из него края, и это было необычайно.

В крестьянском северном хозяйстве береста и вправду совсем недавно была еще просто дерево, понадоилось, главное материялом. Дикие ланти, даже на лесах не вспаханы, в холодах не умудрялись. А уже посреди супа — края бересты, которые мастер выдавливает узор на

столе. Расскажи, пожалуйста, Мартын, сочна, растворившись во вкусе, какая она?

— Про бересту, про туеса тебе рассказать? Это можно. Туска у нас во всех домах лежит. У тети брат богатырь ядерный был: было, для дома перед руин — один самонавесное бревно несет, вогнал в кипятком размоченную оправашу, а когда она высокает, его обломает — падает лет сложить будет.

Береску хорошую можно и всплыть найти, если поискать, но я роду одну нашел на Тебеге — это приクト Мезени. никто там не был. Вот что, мы с тобой туда заштрахованы, — от такой замечательной нации дед Мартын даже покривился. В глубинах его глазах мстился бессловий огонек, и он, словно опасаясь, что хозяин осадит его и ограбит перед гостем, затараторил:

— Из Америки заказали туесы, давеча еще пришел, все никак не выполню. Да ведь мы, Фатыланы, первая фамилия на Селище. Из Ярославля идет она. Когда первые-то сюда приехали и не знают — до фараона али

— Вот итница, а это полет гусей, это сочно, это елка, холода сильны сделашь, ишь тут гусь летит. Полет гусей набрасывшись — во рдом лежит, все полетели — из Заполярья они лежат на юг. Вот домиши, целице улицу сделать можно. Вон тетка сидит на дереве с косачом, а это

— А МИЛОВСКИЙ, наш спас корр. Ленинградский район, Архангельская область.

Фото автора.

мне встречаюсь в поездках по стране.

На множестве социальных, краеведческих, философских, эстетических переносных рождаются в человеке то светлое начало, которое делает его таким, вот, излучающим тепло, свет, радость, одним словом, настоющим. В том числе и на переносках нашей памяти.

Зербинин, почувствовал: и пот, как на годы войны, друзья посыплю...

Чем отплатить жизни за все ее тепло, за этих словно расставленных на каждом шагу хороших людей!

Много судов сошло со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на заводе. Рассерни карту, ткни в любое море — наевшийся где бороздят воды корабль, построенный на Адмиралтейском. И нет среди них почти ни одного, к которому не приложил бы руку его бригада. Но

зато в этот раз суда сошли со стапелей за годы, что прошел он на

С телетайпом
«Советской культуры»
и ТАСС

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

ЗА РУБЕЖОМ

ПОЗОР АГРЕССОРАМ!

Писатели стран Азии и Африки клеймят пекинских захватчиков

Агрессия Китая против Социалистической Республики Вьетнам продолжает расширяться. Одновременно поступают сообщения о том, что к над плюсским народом нависает угроза китайской интервенции. «Китайские агрессоры должны знать», — говорится в заявлении Советского правительства по этому поводу, — что чем больше преступлений они творят, тем сурнее будет расплаты за них.

Эти позиции разделяют в мире все, кому неизвестна война. Вот что заявил находящийся в Гаване исполнительный обозреватель Генерального секретаря Ассоциации писателей Азии и Африки АЛЕКС ЛА ГУМА:

— Преступная агрессия Китая против Социалистической Республики Вьетнам вызывает глубочайшее возмущение всего прогрессивного человечества. Эти чувства целиком и полностью разделяют члены Ассоциации писателей Азии и Африки. Мы расцениваем китайскую агрессию как акцию, приведшую к опасному подрыву мира в Азии и несущую серьезную угрозу всему миру во всем мире.

Сколько жизни отдано уже в боях против иностранного господства! И сколько льется кровь в результате предательства пекинского руководства, его полного пренебрежения к чаяниям народа! Агрессия

против Вьетнама — еще одно подтверждение того, что китайские правители попирают священные для всех людей моря и прогресса принципы независимости и суверенитета, принципы, делающие защиту коренных производителей против капиталистов, которые не только подавляют своих производителей, но и нередко отдают свои земли. На протяжении веков писатели Азии и Африки становят благородные идеалы мира, прогресса и международного братства. Ниже же эти идеалы наносят удар те, кто захватил власть в Китае, чьи шовинистические и гегемонистские амбиции не знают предела.

О имени писателей Азии и Африки мы гневно осуждаем агрессивные действия китайской вертушки против вьетнамского народа. Мы заявляем, что вьетнамские коллеги, народ и правительство Вьетнама в том, что будем и впредь отдавать свои силы и

энергию во имя солидарности со справедливым делом социалистического Вьетнама.

Народ Вьетнама и его писатели призывают беспримерный геройизм в борьбе с империалистическими, особенно американскими, захватчиками, и мы не сомневаемся, что и наши агрессоры будут наказаны за злодеяния.

Писатели стран Азии и Африки требуют немедленного прекращения китайской агрессии. Вместе с тем мы обращаемся ко всем честным деятелям культуры в Китае с призывом присоединиться к нам и ко всем прогрессивным силам земли, выступить против тех, кто предал дело международного братства, кто несет всю ответственность за агрессию против германского вьетнамского народа.

Н. ЧИГИРЬ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».

ГАВАНА.

Р. ПЛЯТЬ,
народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

народный артист СССР.

Р. ПЛЯТЬ,

